

ЛЮБОВЬ ШВЕЦОВА

история без купюр

ЖИЗНЬ ОТ СОХИ
БЫТ И ТРАДИЦИИ РУССКИХ КРЕСТЬЯН

История без купюр

Любовь Швецова

**Жизнь от сохи. Быт и
традиции русских крестьян**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 39(=161.1)
ББК 63.5(2)

Швецова Л.

Жизнь от сохи. Быт и традиции русских крестьян / Л. Швецова —
«Издательство АСТ», 2022 — (История без купюр)

ISBN 978-5-17-150235-5

К концу XIX века крестьянство занимало 80 % населения всей Российской империи, а значит большинство жителей современной России – их потомки. Пора узнать о быте и традициях своих предков! Эта книга о том, как жили русские крестьяне XIX–XX века. О богатой культуре, знаниях, традициях, обрядах и поверьях простого народа. О буднях и праздниках тех, кто не писал, но «делал» историю страны. Любовь Швецова – автор популярного блога [tama.history](#) подробно рассказывает о том, как и чем жили ваши предки: «Мне хочется рассеять представления о «серости» и «дикости» русского крестьянина. Да, люди прошлого жили иначе, не так, как мы сегодня: они не имели столько знаний и технических возможностей, многие не имели даже малейшего образования. Но у них была богатая, духовная, нравственная культура, которую они сумели пронести через тысячелетие. Простой народ обладал другими знаниями, жил в единении с природой, которую уважал и чувствовал. Русские крестьяне вовсе не были дикарями! Наоборот – это люди мудрые и умелые». В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 39(=161.1)
ББК 63.5(2)

ISBN 978-5-17-150235-5

© Швецова Л., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Мир русской деревни культура. Обычаи. Обряды	7
Глава 1. Мир русской деревни	9
Родная деревня всякому дорога	9
Двор кольцом и амбар с крыльцом	14
Всем миром приговорили	18
Капустник	21
Навозница	23
По вечерам вечеровать	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Любовь Швецова
Жизнь от сохи. Быт и
традиции русских крестьян

© Любовь Швецова, текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Мир русской деревни культура. Обычаи. Обряды

Эта книга посвящена жизни русского крестьянства XIX – начала XX в. Я расскажу о богатой культуре простого народа, о хозяйственных знаниях и умениях, которыми владели люди, о старинных традициях, обрядах и поверьях. Вы узнаете о том, как жители русских деревень и сел проводили будни и праздники, как они трудились и отдыхали, какую носили одежду и какими предметами домашнего обихода пользовались.

Сегодня о прошлом нашего народа задумываются многие. Эта тема близка не только тем, кто напрямую связан с деревней, но и тем, кому интересна история и культура нашего Отечества. До революции сельское население страны составляло более 85 %. Это значит, что в каждом из нас течет крестьянская кровь. И мне очень хочется рассказать о том, как жили наши предки, поведать об их интересной, самобытной и насыщенной жизни.

Мне хочется рассеять представления о «серости» и «дикости» русского крестьянина. Да, люди прошлого жили иначе, не так, как мы сегодня: они не имели столько знаний и технических возможностей, многие не имели даже малейшего образования. Но у них была богатая, духовная, нравственная культура, которую они сумели пронести через тысячелетие. Простой народ обладал другими знаниями, жил в единении с природой, которую уважал и чувствовал. Русские крестьяне вовсе не были дикарями! Наоборот – это были люди мудрые и умелые. Это прежде всего – труженики.

Их мудрость проявлялась в самых обыденных и повседневных вещах. Так, место для поселения они выбирали не случайно, а с особым расчетом. Большинство деревень и сел возникало возле рек и озер – главных источников воды и удобных транспортных путей. И каждое поселение на удивление удачно вписывалось в ландшафт и было непохоже на другие. При возведении дома также тщательно выбирали место для строительства и материалы.

Простой русский народ обладал глубокими знаниями в сельском хозяйстве. Далеко не каждый современный человек способен выращивать растения или грамотно ухаживать за скотом. Для наших же предков эти умения были просто необходимы – без них невозможно было прожить. Крестьяне понимали многое: когда нужно начинать пахать и сеять, когда собирать урожай и выгонять скот на пастбища. Человек наблюдал за природой, за ее явлениями, знал множество примет, по которым легко ориентировался. Сегодня большинство из нас этого совсем не понимают...

Несмотря на все перечисленное, я не хочу идеализировать картину прошлого русской деревни. Люди жили тяжело, в бесконечных трудах и заботах, порой им приходилось вести настоящую борьбу за выживание во время неурожая или войн. В жизни простого народа отсутствовала медицина, поэтому смертность (особенно детская) была очень высока. Но это реалии того времени.

Как я уже упомянула, русские крестьяне очень бережно и уважительно относились к природе. Землю, которая так много для них значила, они называли матушкой, кормилицей. Даже в русских народных сказках часто встречается выражение «мать сыра земля» – кормилица, источник сил и здоровья. На земле начинается жизненный путь человека, здесь же он и завершается...

Близость человека к природе породила его особое мировоззрение, способствовала появлению многочисленных поверий и обрядов, корни которых уходят в глубину веков. Множество традиций и обычаев появилось как отражение нелегкого крестьянского труда на земле. Воспоминания о них живут в пословицах, поговорках, песнях, загадках: «Хлеб – всему голова», «Готовь сани летом, а телегу – зимой», «Что посеешь, то и пожнешь», «Три братца пошли купаться. Двое купаются, а третий на берегу прохлаждается» (два ведра и коромысло) и т. д.

Современный человек уже далек от традиционной культуры. Сегодня лишь тонкая нить связывает его со старинным укладом жизни. Но если мы немного понаблюдаем за нашим бытом и поведением, то увидим отголоски старинных обычаев, примет и верований. Вот только значение большинства обрядов забыто, смысл утрачен. Некоторые из них превратились в своеобразную игру (проводы зимы на Масленицу, гадания или свадебные торжества).

Сохранилась лишь малость. Так, закладывая за городом современный коттедж, хозяин дома замуровывает в его фундамент деньги, запускает первыми в новое жилище кошку или собаку.

Многие из нас стараются не здороваться через порог, считают недобрый знаком рассыпавшуюся соль. А в большинстве семей еще жива традиция на свадьбе встречать молодых хлебом и солью.

Почему так? Откуда это пошло?

Ответы на эти и другие вопросы вы найдете в этой книге. В ней рассказывается о русской деревне, о быте крестьянских семей, о традиционном доме, его устройстве и символике, о народном календаре, который регламентировал всю жизнь простого русского человека.

Сегодня историки и этнографы по крупицам собирают картину народной культуры. При написании этой книги я пользовалась многими такими источниками и трудами. Я привожу большое количество цитат – это воспоминания русских крестьян о жизни, труде, праздниках. Я надеюсь, что благодаря этим воспоминаниям ваше представление о той далекой жизни станет полнее.

В книге описываются быт, жизнь и нравы российской деревни XIX – начала XX века. Это время, когда еще были живы старинные поверья, обряды, сохранялись традиции, обычаи и ритуалы, которые имели еще дохристианские корни. Люди жили, что называется, «по старине».

Жилищем им служили деревянные избы, носили они привычную одежду: рубахи, сарафаны, поневы, армяки, длиннополые сюртуки, полушубки и тулупы. По-прежнему самой ходовой обувью были лапти, а у более зажиточных крестьян – сапоги. Простой народ тщательно берег древние обычаи, оставались неизменными семейные традиции, особое внимание уделялось гостеприимству и взаимовыручке.

Тем не менее к концу XIX века контакты деревни с городом значительно усилились благодаря активному развитию промышленности. Деревенская жизнь постепенно менялась. Ушла в прошлое курная изба, которая не имела дымохода и топилась «по-черному». Керосиновое освещение и свечи вытеснили лучину. В повседневном сельском быту все чаще появлялись промышленные товары. В зажиточных семьях появились часы, книги и гармонь. Все большее значение стала приобретать мода. По праздникам парни надевали алые рубахи и пиджаки, меняли лапти и валенки на сапоги и галоши. Женщины вместо сарафанов и домотканых рубах одевались в шерстяные или ситцевые платья.

Труд на земле по-прежнему занимал у крестьян много времени, бытовая жизнь все еще была тяжелой. Но были у людей и праздники, молодежь собиралась летними вечерами на гулянья, а вечером посещала посиделки. Пели песни и частушки, водили хороводы, на Рождество и Крещение девицы гадали, устраивали колядки. Осенью игрались свадьбы.

Прежние правила уходили, им на смену приходили новые. Потом случились революция, индустриализация и массовое переселение крестьян в города. Поколение людей, которое выросло в 1930-х, уже не воспринимало и не передавало дальше культурные ценности традиционного общества. В XX веке русское крестьянство, по сути, завершило свое существование как самобытная многовековая культура.

А ведь это был особый мир, пусть тяжелый и очень сложный, который не всегда открывался случайному человеку.

А мы с вами попробуем приоткрыть завесу тайны и увидеть деревенскую жизнь прошлого изнутри...

Глава 1. Мир русской деревни

Родная деревня всякому дорога

Русская деревня прошлого представляла собой целый мир, который жил своей особой жизнью, богатой на события и наполненной смыслом. Деревня – не просто участок земли, это символ всей нашей страны, ее истории, уникальных обычаев и многовековых традиций.

Крестьяне были глубоко привязаны к своим селениям, к родным местам и земле. Здесь жили целые поколения: отцы, деды, прадеды, малые дети. От отца к сыну, от матери к дочери передавались знания и умения, мировоззрение и опыт.

При этом люди жили в глубоком единении с природой, с детства любили и чувствовали ее, относились к ней как к живому существу – уважительно и бережно.

«Природа была прекрасной: много лесов, лугов, небольших озер, рек и речек, а еще больше ключей и родничков. И этому способствовало бережное, человеческое отношение к окружающей его природе. Регулярно все, от малолетних до стариков, выходили на вырубку кустарников на лугах, зарослей возле пашен, чистку деревенских улиц, речушек, ключей. Вода была чистая, как слеза. Рыбы было множество, никто не злоупотреблял. Надо на уху – сходишь за полчаса наловишь – и все», – так вспоминал о своей малой родине крестьянин И.И. Зорин (1918 г.р.). [2]

Неотъемлемой частью селения была природа. Стройными рядами тянулись деревенские улицы с большими и малыми домами, площадями и храмами – все это было любимо и дорого русскому человеку.

«Деревня наша небольшая, всего двадцать три дома, расположена на берегу небольшой речки. Как сейчас вижу, вся деревня – одна улица. В верхней стороне все дома двухэтажные, а у реки – одноэтажные. Вижу зеленую площадь, поросшую чистой травой, на которой мы каждый день играли в детстве. За домами, в сторону реки, располагались огороды. Весной река разливалась и заливала луга и поля, поэтому соломы и сена хватало скоту на всю зиму», – из воспоминаний крестьянки М.М. Булдаковой (1919 г.р.). [2]

Деревня от села отличалась тем, что в ней не было церкви, а количество дворов было небольшим. Как правило, несколько деревень объединялись вокруг одного села, образуя обособленную территорию. Ее архитектурным и духовным центром был храм: белоснежный каменный или величественный деревянный.

Русские люди были глубоко верующими и храм посещали регулярно: по престольным праздникам и воскресеньям. Рядом непременно возвышалась колокольня, звон ее колоколов слышали за несколько верст во всех деревнях, окружавших село. Как правило, на деревенской площади проводились ярмарки, праздничные гулянья, собирались для решения важных общественных вопросов.

Вдоль улиц тянулись дома: богатые и не очень, украшенные резными наличниками и совсем простые. Но объединяло их одно: все они были рублены из прочных деревянных бревен. Впрочем, размер деревни определялся не количеством изб, а числом дворов. Крестьянский двор включал в себя целый комплекс строений. То были амбар, овин, гумно, конюшня, скотный двор, сеновал, баня.

В зависимости от климатических условий и региональных традиций, внешний облик русского дома и дворовых построек, планировка всего пространства и даже меблировка сильно разнились. Так, на севере Европейской России многие крестьянские жилища представляли собой высокий двухъярусный дом под двускатной крышей с примыкающим к нему двором. В доме спокойно размещались большая семья, вся хозяйственная утварь и домашний скот.

Жилое помещение располагалось на втором этаже, нижний этаж – подклет – использовался в хозяйственных целях. Большие размеры жилища сложились под влиянием сурового северного климата и долгой зимы. Конечно, не все северные избы были такими – все зависело от состава семьи и ее материального достатка.

Вот как описывают жилища Русского Севера студенты географического факультета Ленинградского государственного университета, которые летом 1929 года находились в этих краях на практике: «Дома у зажиточных крестьян отличаются от изб бедняков. Дома у более состоятельных большей частью двухэтажные, сильно вытянутые назад.

В задней части дома обычно сарай, в котором складывается на зиму сено, солома. Сарай тесно соединен с домом. Крыши покрыты черепицей или длинными тесаными досками. На втором этаже нередко встретишь балкон с искусной резьбой. Правда, на этот балкон никогда не ходят, но он хорошо гармонирует вместе с резными окнами. Очень часто попадаете на балконе надпись, когда дом построен. Иногда красками, довольно аляповато, нарисованы лошади с таратайкой. Вход в избу всегда сбоку...

Полная противоположность – дом бедняка. Всегда очень низкий, покосившийся набок, одноэтажный. Крыша в некоторых местах продырявленная. Задняя часть сарая часто бывает раскрыта...» [48]

От больших северных изб отличались усадьбы в центральных районах Европейской России, которые выглядели намного скромнее. Дома там были одноярусными, под двускатной крышей и на невысоком подклете. Двор же находился отдельно – в большинстве случаев он прилегал к боковой стороне дома.

В южнорусских районах крестьянские избы были низкие, без подклета. Они не отличались большими размерами – просто классические избушки из русских народных сказок! За каждой такой избой находился широкий, открытый двор, застроенный по периметру помещениями для скота, навесами для хранения сельскохозяйственного инвентаря, телег и саней и прочими необходимыми в быту постройками.

Большим своеобразием отличались так называемые курени донских казаков. Это были высокие двухэтажные, квадратные в плане здания под тесовой четырехскатной крышей. Хлев, конюшня, овчарня, птичник и другие постройки находились на некотором расстоянии от жилого дома.

Вид деревенской улицы в Ярославской губернии. 1871–1878 гг.

Дом на Русском Севере

Крестьяне Симбирской губернии. 1871–1878 гг.

Группа мужчин и детей у дома. Ленинградская обл., Тосненский р-он, г. Никольское. 1925 г.

Совсем непохожа на казацкое жилище усадьба русского крестьянина Сибири и Алтая. Это своего рода крепость: высокая бревенчатая изба, амбар, расположенный на некотором от нее расстоянии, забор с массивными воротами, глухой двор, по периметру которого устроены помещения для скота, погреб, сеновал, навес для дров.

Крестьянские усадьбы прошлого – это небольшие миры, «вселенные», где каждый элемент, каждая деталь были продуманы до мелочей. И чтобы этот мир достойно функционировал, его обитателям приходилось долго и неустанно трудиться. Во всех областях нашей огромной страны жизнь простых крестьян была очень тяжела. Но грамотная планировка пространства, понимание природных особенностей местности и осознание себя как части этой природы существенно облегчали сложный крестьянский быт.

Двор кольцом и амбар с крыльцом

Русская деревня – это целый мир со своими обычаями и правилами, а каждое крестьянское хозяйство – его составляющая, сложный живой организм. Давайте заглянем на крестьянский двор заботливого и работающего хозяина и посмотрим, как там все устроено.

Каждая усадьба огораживалась высоким забором с крепкими воротами. За оградой скрывались все хозяйственные и жилые постройки, имевшие для их обитателей важное значение, и всякая деталь была продумана.

В самом дальнем конце двора располагалось гумно – место, где складывали снопы, сушили их и обмолачивали. Его могли соорудить прямо на улице, а могли обнести прочными бревенчатыми стенами и накрыть крышей. Так, открытое гумно представляло собой пространство с песчаным грунтом. Его огораживали деревьями, окапывали канавой и насыпали по периметру небольшой земной вал. Деревья защищали место от ветра, канава предназначалась для сбора дождевой воды, стекавшей с гумна, земляной вал защищал пространство от домашнего скота. В середине располагался так называемый ток – площадка, где обмолачивали зерно. В закрытом гумне также устраивали узкие отсеки, куда укладывали снопы и солому. Имело сооружение и сквозной проезд для телег.

Во все времена наполненные хлебами гумна воспринимались русскими крестьянами как символ богатства и процветания семьи. «Есть на гумне – будет и в суме», – говорили в народе.

Нередко хозяева, пытаясь сохранить и уберечь хлеба от пожаров, грабежа и нечистой силы, прибегали к разным магическим приемам. Например, перед тем как заполнить гумно снопами, его окропляли святой водой, а над дверным проемом рисовали кресты, в стены же втыкали можжевельниковые веточки, по поверьям отпугивающие нечистую силу.

Как правило, рядом с гумном ставили овин – место, где на специальных жердях-колосниках сушили снопы. Нередко две постройки соединяли в одно целое, это позволяло молотить хлеб даже в непогоду. В овине сооружали печь, из которой нагретый воздух поднимался вверх и подсушивал снопы, разложенные на колосниках. Когда хозяева топили эту печь, им постоянно приходилось караулить, чтобы от сильного огня не случился пожар. Однако все равно эти постройки нередко горели.

Рядом ставили амбар, где в ларях из прочных досок с крышками хранили обмолоченное зерно, муку и особо ценные для семьи продукты. К строительству амбара подходили очень ответственно, так же как и к строительству избы. Это должно было быть надежное сооружение с крепкими стенами и запорами, хорошо проветриваемое и сухое. Ведь здесь крестьяне хранили свое главное богатство – хлеб, поэтому и строили амбары, как говорится, на века, в расчете на несколько поколений.

Имелись на крестьянском дворе и конюшня, и хлев для домашнего скота, и сеновал, куда складывали высушенное сено, а также прочие хозяйственные постройки.

Из воспоминаний крестьянки Т.С. Ситчихиной (1917 год): «Дворы у всех были крытые жердями. У нас было две конюшни для лошадей. Одна была для новорожденного жеребенка. В конюшне ясли, в которые с повети (поветь – помещение для хранения сена, сельскохозяйственных орудий, а также саней и телег. – Прим. автора) спускали корм – сено. Поветь находилась над конюшнями и продолжалась до ворот. На другой стороне двора – хлевы для коровы, овец, свиней. Над хлевами опять поветь, где хранилась солома. Между хлевами и конюшней было большое пространство на дворе. Через него был ход на огород, где находились баня, колодец. Было место и для погреба, в котором хранили летом молоко, квас. Там был лед. На огороде была выкопана глубокая яма, в которой хранились овощи: репа, брюква, морковь. Она была утеплена, так что зимой ничего не замерзло». [2]

Сколько же незнакомых для современного человека названий: поветь, амбар, жердь – сегодня эти слова мы не употребляем, а ведь когда-то они были совершенно обыденными и понятными каждому.

Зато вот это слово точно всем известно: «баня».

Без нее русскому человеку очень туго приходилось! Обычно у каждой семьи она была своя, но иногда использовали ее и для нескольких семей.

Ставили баню на берегу реки или озера. Строили просто, без затей, но в то же время все было продумано. Внутри помещение разделялось на две части: предбанник и отделение, где парились и мылись. В углу устраивали печь.

В XIX и даже в начале XX века еще существовали бани по-черному, или курные бани, – в них не было печей с дымоходами, дым из очага поднимался вверх и выходил через небольшое окно под самой крышей. Когда же помещение достаточно прогревалось, его проветривали, окно закрывали и давали баньке некоторое время «отстояться», чтобы удалить угарный газ. Впрочем, в XVIII веке стали появляться печи с трубами, и многие бани стали топить, что называется, по-белому.

Значение русской баньки трудно переоценить: в ней и мылись, и лечили разные болезни при помощи веника и пара, даже рожать бабы уходили в баню.

Недаром в народе сложились пословицы: «Баня парит, баня правит», «В бане мыться – заново родиться!»

Традиция банной культуры существовала на Руси испокон веку. Наши предки верили, что русская парная – источник сил и здоровья. Знали и соблюдали они определенные правила. Так, строили бани из легкого и пористого дерева, впитывающего влагу, обычно из липы или осины – поэтому жар был сухим. Веники использовали березовые, но иногда пихтовые, можжевеловые и дубовые. Причем заготавливали их в определенное время: с Иванова дня до Петрова дня (7–12 июля).

Воду, в которой эти веники запаривали, использовали для мытья головы – чтобы волосы были здоровыми и крепкими. Тело обычно натирали разными травами и снадобьями – для защиты от хвори и простуды. В общем, была у наших предков целая банная традиция.

Вот как вспоминает о банных процедурах крестьянин Александр Турундаевский, чье детство прошло в семье его деда Василия Николаевича в селе Воздвижение Вологодской губернии. Воспоминания датированы началом XX века.

«Баня у деда была построена по-черному, размерами маленькая, можно было поместиться только вдвоем. Холодный предбанок, печка-каменка с маленьким котелком. Грели воду в кадке камнями. Да и воды требовалось немного, т. к. технология мытья была крайне несложной. Сначала грелись на полке, затем поддавали пару и парились – хлестались веником до потери сознания в шапке и рукавицах, выбегали, как шальные, на улицу (летом прыгали в пруд с водой и окунались, а зимой бросались в снег и катались). Потом еще раз парились, обливались водой, одевались в холодном предбаннике и шли домой. Дома брали братыню с квасом или водой, подсыпали овсяной муки и пили. Дома обязательно умывались холодной водой. Вот такой был обычай у деда Василия. Мыла для бани и стирки белья в обиходе не было. Баню топили каждую субботу. В первый жар-пар ходил дед с внуком. Мытье с дедом было сплошным кошмаром, т. к. он проделывал такую экзекуцию при парке, что черти не выдержали бы этого жару и разбежались. Дед драл себя веником. На голове у него – меховая шапка, а на руках – рукавицы. А кряхтения и пыхтения – и того больше. Затем катание в снегу. Дед повторял это до трех раз. Далее обливался холодной водой, надевал одни подштанники и бежал домой...» [49]

Уборка сена в сарай. Ленинградская обл., Тосненский р-он, город Никольское. 1925 г.

Во дворе крестьянина-середняка. Валдайский р-он. 1926 г.

Дворы русских крестьян в зависимости от местности и материального достатка хозяев сильно отличались друг от друга.

Вот как описаны дворы бедняков и зажиточных крестьян Казанской губернии в книге «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы», составленной по материалам «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева: «Постройки зажиточного от бедного отличаются тем, что у зажиточного на дворе навесов, конюшен или хлевов больше, весь двор от избы и кончая передним забором – бывает покрыт тесом, или хорошо соломой, а изба и часто сени – обязательно тесом вплотную. Вся крыша соломенная ежегодно покрывается свежей соломой.

Все постройки на дворе дороже, прочные и ежегодно поправляются – по надобности. У бедного наоборот: построек на дворе много меньше. Навесов на дворе мало, а у некоторых только изба, сени и напогребница с хлевушком. Все постройки много дешевле, хуже и непрочные. Крыша соломенная и несколько лет не поправляется свежей соломой. Двор редко ремонтируется. Разве самая крайняя необходимость заставит поправить то или иное строение...»

Всем миром приговорили

Русские крестьяне жили общинами. Так называлась сельская управляющая организация, выполнявшая много различных функций. Община отвечала за выполнение повинностей, которые накладывались на крестьян помещиком или государством. Например, если нужно было выделить людей для строительных работ, лошадей для перевозки грузов, набрать рекрутов в армию, собрать налоги, перераспределить участки земли, эти и другие задачи решала община. Иногда ее называли миром. «Всем миром приговорили», – говорили раньше.

Каждое селение все общественные дела обсуждало на деревенских сходах. Здесь выбирали старосту и сборщика податей. Помещик назначал главного управляющего своими землями, который следил за своевременным исполнением всех повинностей и за порядком в деревне.

Вот описание сельских сходов конца XIX века во Владимирской губернии из материалов «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева: «Сходы собираются почти каждый воскресный и праздничный день, а в экстренных случаях – и в будни. Созыв на сход – обязанность десятского. Посторонних и женщин, как правило, на сходах не бывает, если только не рассматриваются именно их дела. Пьяные на сходах теряют право голоса, при попытке “прекословия” староста их прогоняет или подвергает одно-, двухдневному аресту. На случай непогоды за общественные деньги нанимается изба для проведения сходов с арендной платой 3 р. в год. Решаемые вопросы: аренда кабака или земли, распределение участков земли, сельские выборы, уплата податей, раздел земли, семейные разделы, а также различные мелкие дела, касающиеся крестьянского быта. Некоторые дела обсуждаются по предписанию начальства (например, о проверке общественного магазина, о мирских доходах и расходах). Ведут себя крестьяне на сходах бурно, бывает все, за исключением, пожалуй, драк. Решение оформляется забранием рук: староста ходит между крестьянами, протягивая им руки для пожатия. Число крестьян, протянувших руку в ответ, и есть число согласных с решением. Крестьянин, если он один, в отношениях с начальством сдержан, уважителен, но как только вступает в общество... он делается упрям, настойчив, требователен до приказания, крича во весь голос: “Мир велит, мир велик человек!”».

Пожалуй, одна из главных функций общины – обеспечение участками земли всех деревенских жителей. Те участки, где располагались дома и хозяйственные постройки, находились в личном потомственном владении крестьян. А вот пашни, луга и угодья для выращивания сельхозкультур передавались государством или помещиком в пользование общины. Она же распределяла эти земли среди крестьян, а также регулировала их использование – определяла, какие поля и чем засевать, устанавливала начало и конец полевых работ.

В зависимости от региона площадь выделяемых угодий рассчитывалась по-разному: в одних местах исходили из количества работников в семье, в других – считали только по мужским душам, в третьих – по душам обоего пола (едокам).

Каждое поле делилось на определенное число участков, которые распределяли на деревенском сходе путем жеребьевки. А ввиду того, что состав семей с течением времени изменялся, каждые шесть – двенадцать лет община устраивала общий полевой передел. При этом община стремилась к тому, чтобы каждое хозяйство было обеспечено достаточным количеством земли. Из воспоминаний жителя Шадринского уезда Пермской губернии А. Третьякова: «Из поля выделяют каждому, в разных местах часть лучшей, часть средней и часть худшей земли. Сметливый и честный мужичок саженью да веревкою, а где встретится надобность, то и природной четвертью да шагами так разверстает и рассортирует земельные участки, что никто на него не пожалуется, все довольны замысловатыми операциями своего землемера-самоучки». Случались при разделе земельных наделов и споры, и недовольство среди крестьян. По

словам знаменитого русского географа и исследователя П.П. Семенова-Тян-Шанского, «все это удавалось нейтрализовать мирскими приговорами, которым подчинялись все безусловно». [21]

Среди жителей общины распределялись и покосные луга, так необходимые крестьянам для заготовки сена. Вот какие воспоминания оставила дочь русского помещика, писательница и политический деятель А.В. Тыркова-Вильямс: «Против нашей террасы на другом берегу реки, на лугах, принадлежавших Высоцким крестьянам, появлялась процессия. Яркая зелень густой, высокой травы пестрела цветистыми мужицкими рубашками. Как муравьи, они то собирались толпой, то разбивались на линии, останавливались, бродили по всему просторному лугу, точно что-то искали. Это Высоцкие делили покосы. Заливные луга были общие, принадлежали всему селу, и их ежегодно распределяли между домохозяевами. Так делалось со всеми крестьянскими общинными покосами кругом... Неграмотные мужики каждое лето по-новому перекраивали травяные нарезки. Такой у них был верный глаз, что я не помню ни ссор, ни тяжб из-за покосов... Долго бродят они по траве, в конце концов, все поделят. На следующий день к нам, с того берега, уже летит острый свист кос».

Община выполняла и ряд других функций. Например, если на ее территории совершалось преступление, проводила самостоятельное расследование и суд по гражданским делам между крестьянами и по уголовным преступлениям (кроме наиболее серьезных: таких как убийство, грабеж). Суд вершили выборные лица или сельский сход.

Община поддерживала общественный порядок, наказывала крестьян за мелкие преступления и проступки, принимала должные меры при пожарах, наводнениях и других чрезвычайных происшествиях. А еще организовывала помощь бедным, больным, сиротам, пострадавшим от разного рода несчастий, содержала общественные больницы, богадельни, сельские школы, проводила гулянья и праздники.

Суровые условия жизни нередко требовали от крестьян взаимовыручки и помощи. Так, погорельцам всегда коллективно помогали при возведении нового жилья: бесплатно выделяли лес, на своих лошадях и подводах общинники подвозили заготовленные бревна к усадьбе, затем всем «миром» ставили новую избу. Помогали пострадавшей семье и хлебом, провизией, одеждой.

Мир оказывал поддержку больным, вдовам и малолетним детям, оставшимся без родителей. Круглым сиротам община назначала опекунов из числа добропорядочных людей, при этом их действия регулярно контролировались.

В крестьянских общинах широко были распространены так называемые помочи, или толоки. Они использовались в случаях, когда крестьянская семья не могла справиться в одиночку с каким-либо трудным хозяйственным делом, будь то перевозка леса и других строительных материалов, срочная постройка дома, сбор урожая, уборка скошенного сена или вывоз снопов с поля.

Для русских крестьян участие в подобных помочах было явлением совершенно естественным и глубоко нравственным. Поэтому нуждающиеся в помощи практически никогда не получали отказа. Со своей просьбой крестьяне обращались к сельскому сходу или старосте. Обычно в помочи активно участвовали родственники, соседи, односельчане.

Вот как писал о толоке ученый, писатель, общественный деятель середины XIX века Александр Энгельгардт в своей книге «Письма из деревни»: «“Толочане” всегда работают превосходно, особенно бабы, – так, как никогда за поденную плату работать не станут. Каждый старается сделать как можно лучше, отличиться, так сказать. Работа сопровождается смехом, шутками, весельем, песнями. Работают как бы шутя, но, повторяю, превосходно, точно у себя дома. Это даже не называется работать, а “помогать”. Баба из зажиточного двора, особенно теперь, осенью, за деньги работать на поденщину не пойдет, а “из чести”, “на помощь”, “в толоку”, придет и будет работать отлично, вполне добросовестно, по-хозяйски, еще лучше, чем

баба из бедного двора, потому что в зажиточном дворе, у хорошего хозяина, и бабы в порядке, умеют все сделать, да и силы больше имеют, потому что живут на хорошем харче... Случается даже, что приходят без зову, узнав, что есть какая-нибудь работа».

Община проявляла заботу и о малочисленных семьях, имевших одну лошадь или вообще не имевших ее. В этом случае мир помогал вывозить удобрения на полосы этих хозяев, производил весеннюю вспашку, помогал в уборке овощей. За такую подмогу хозяева в знак благодарности устраивали односельчанам угощение. Но нуждающимся помогали не за это, а совершенно бескорыстно, по велению сердца, «за-ради Христа».

Конечно, не стоит идеализировать жизнь сельской общины, были и свои минусы: крестьяне не могли свободно выйти из общества или продать земельный надел; уходя на заработки в город, они обязаны были спросить разрешения у сельского схода, а вернувшись, заплатить тягло – денежную повинность.

Да и мирские сходы не всегда протекали гладко. Нередко на них сталкивались интересы более зажиточных крестьян и бедняков. Но там, где «жили по правде и совести», где были высоки представления о нравственности и понимание, что «худой мир лучше доброй ссоры», всегда удавалось найти приемлемое для всех решение. И такой уклад жизни в нашей стране существовал веками. Лишь в XX веке общины прекратили свое существование. Но их традиции в деревенской жизни сохранялись еще долго...

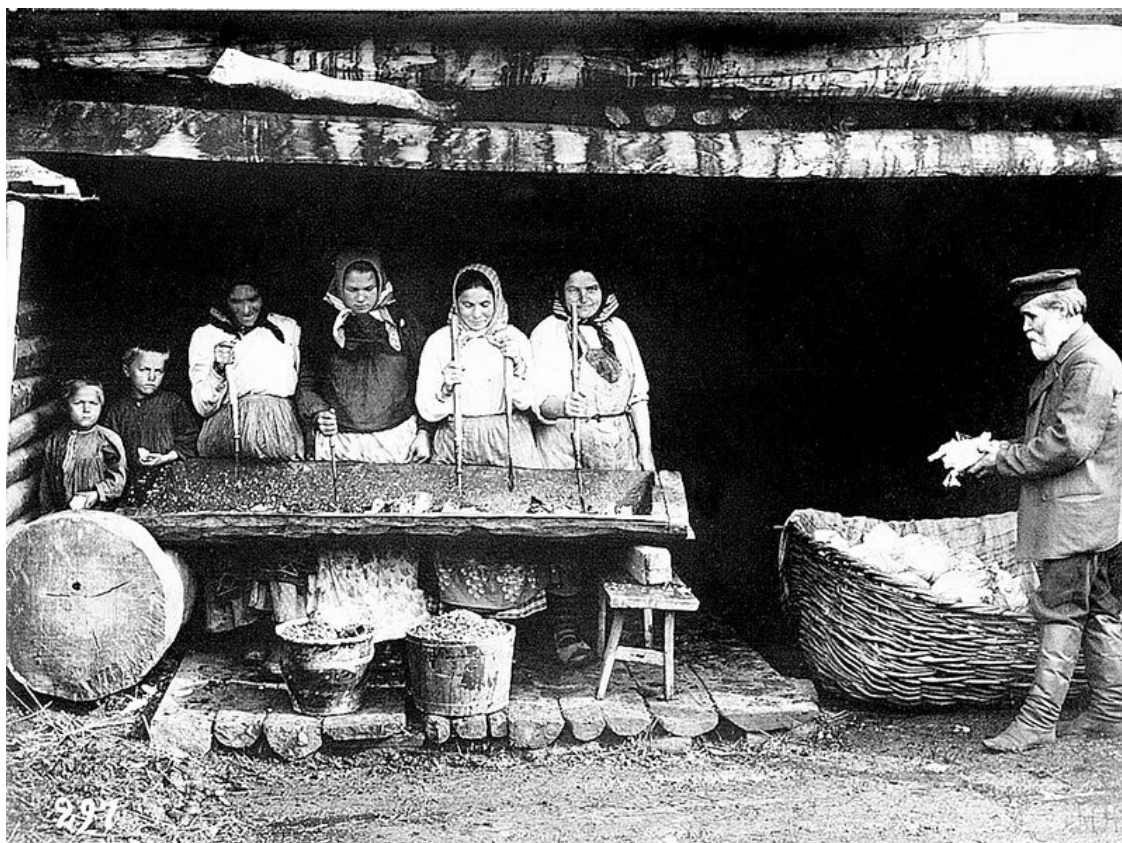
Капустник

В старину практически на всей территории нашей страны существовал добрый обычай, один из видов помочей, когда женщины собирались вместе и рубили на зиму капусту для засолки. И называлось это занятие «капустник», «капустенские вечера», «капустницы», «капустянки».

Проводили капустники осенью, обычно приурочивали к какому-либо празднику: Воздвижению (27 сентября), Рождеству Богородицы (21 сентября) и др. К этому времени как раз завершались все работы по уборке урожая, в том числе и капусты.

Женщины и девушки собирались вместе и принимались за работу. Рубили капусту специальным инструментом – закругленным ножом, который назывался «сечка». В больших деревнях на капустник приходило до двухсот человек! Собирались и меньшими группами. Например, когда одна из баб не справлялась с этой работой самостоятельно, соседки и подружки с радостью приходили на помощь.

К вечеру обработка капусты заканчивалась и начиналось веселье! Женщины и девушки устраивали совместный ужин, пели песни, шутили. Нередко капустник превращался в молодежную посиделку, на которую приходили парни. Они приносили подарки и развлекали девиц прибаутками, песнями, игрой на гармошке. А заодно и присматривались к ним!

Рубка капусты. Оренбургская губерния. 1900–1905 гг.

Под пение песен молодежь водила хороводы:

«Вейся, ты вейся, капуста,

*Завивайся, белая!
– Как же мне, капустке, не виться,
Как же мне, белой, не клубиться?
Вечор на капусту,
Вечор на белую
Выпал частый дождик.
Сильный дождь поливает,
Белую капусту ломает.
Молодец девицу выбирает...»*

Навозница

Еще одним видом деревенской толоки была так называемая навозница – коллективная помощь одному из хозяев по вывозу навоза в поле. Как и капустник, эта работа сопровождалась праздничным угощением и весельем.

Нуждавшийся в подмоге хозяин приглашал односельчан к себе, крестьяне охотно помогали ему, затем все вместе переходили к другому двору.

Особенностью навозницы был смешанный состав ее участников. В отличие от капустника (чисто женской помочи) или строительства дома (помочи мужской), в навознице принимала участие вся крестьянская община – от детей до взрослых мужиков и баб.

В Псковской губернии, например, на коллективные работы выходили мужчины со своими женами и детьми. С собой непременно брали телеги, запряженные лошадьми. Работа кипела: мужчины грузили навоз на телеги, дети верхом на лошади привозили его в поле, а женщины с помощью лопат и вил раскидывали навоз по участку. Работали быстро, слаженно, старались уложиться за один день.

Особое значение крестьяне придавали последнему возу, который они наделяли некой магической силой, по поверьям, влиявшей на будущий урожай.

В Смоленской губернии последний воз называли поскребышем, а того, кто им управлял, – телепою. Во время совместного обеда телепа должен был «украсть» кашу – блюдо, которое непременно присутствовало на столе. При этом все смеялись и подшучивали над воришкой, дети пытались поймать его, а он забегал в хлев, из которого вывезли навоз. Там все присутствующие, веселясь, старались схватить горсть каши. Сам горшок разбивали – на счастье, на удачу, на богатый урожай.

Впрочем, шутить было принято и во время помочи: звучали смех и песни. А покончив с работой, на обратной дороге молодые парни и девушки устраивали веселые состязания: бегали наперегонки.

Завершался трудовой день традиционным праздничным обедом с обильным угощением. На стол подавали окрошку, ботвинью, блины, пироги и оладьи, овсяный кисель и др. После трапезы народ выходил на деревенские гулянья, молодежь водила хороводы и пела песни.

По вечеркам вечеровать

Русские крестьяне всегда много трудились. Труд их был тяжелым и монотонным. От того, как поработает семья в сезон сева и сбора урожая, зависело, будут ли они сыты и достойно одеты в последующие месяцы. Ни взрослые, ни дети – никто не сидел без дела, все участвовали в хозяйственных делах. Отдыхать русским крестьянам приходилось лишь в праздничные и воскресные дни.

Больше возможностей для веселья и развлечений имела деревенская молодежь, которая ходила на вечерние посиделки и уличные гулянья. Впрочем, и этому досугу отводили строго отмеренное время – осенью, после сбора урожая, весной – до начала основных полевых работ, а также в праздничные дни.

В старину существовала целая традиция молодежных гуляний и посиделок, когда неженатые парни и незамужние девицы веселились, пели песни, водили хороводы и играли в разные игры. Все это устраивалось не только ради веселья, но и с определенной целью – ребята и девушки выбирали себе пару для будущей семейной жизни.

О брачном союзе между молодыми людьми, как правило, договаривались их родители. Случалось, что желания парня или девушки не спрашивали, но так было не всегда. Во многих случаях отец и мать все же старались учесть выбор своих отпрысков. Чтобы молодые люди могли познакомиться и лучше узнать друг друга, и проводили такие гулянья и посиделки. Недаром добрачный период раньше называли молодым временем.

Участие в молодежных сборищах считалось обязательным, отказ вызывал удивление и порицание в деревенском обществе. Исключение составляли лишь больные, калеки и давшие обет безбрачия.

Молодежные уличные гулянья начинались весной, с Пасхальной недели, продолжались до Петрова дня (29 июня / 12 июля) с перерывом на Петровский пост. Петров день в некоторых северных деревнях называли даже «гулящев день», то есть день, когда последний раз можно от души повеселиться. После этого дня молодежные гулянья проходили все реже и реже, так как было много работы в поле, а к Успению (28 августа) вообще прекращались.

Гулянья крестьянской молодежи – целый ритуал, который регламентировался определенными правилами. Начинались они всегда с того, что девушки и парни прохаживались большими группами по главной деревенской улице. Девушки, взявшись за руки, становились в ряд по пять-шесть человек, насколько позволяла ширина улицы, и неторопливо двигались вперед. В первых рядах шли совсем молодые девушки, только что принятые в молодежную группу, затем девицы постарше и нарядно одетые парни. И всю эту процессию возглавлял гармонист.

Вот как вспоминает дочь богатого помещика XIX века о молодежных гуляньях: «В детстве мы очень любили крестьянские праздники, их яркость, шум, движение, шмыготно и крики ребят, пестрых девиц, прогуливавшихся из конца в конец широкой улицы. Хождение по улице начиналось сразу после обеда и кончалось поздно ночью... Часами гуляли они взад и вперед по длинной улице, девушки взявшись за руки, парни врассыпную. Ходили и ходили, перебрасываясь шутками, пока не задребезжит гармоника... Я еще застала хороводы, но в конце 80-х годов деревня от хороводов перешла на кадрили... Девушки почти никогда не танцевали русскую, только жеманно поводили плечиками, хихикали, прикрывая рот концом простого головного платка. Им русская казалась грубым, мужицким танцем... Только старухи, хватившие крепостного права, знали русскую, знали, как плыть, правой рукой махать платочком, подманывать партнера. Ну а молодежь отплясывала бесчисленное количество кадрилей, одну за другой, весь вечер и часть ночи». [20]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.